

В мире существовали фильмы о зомби-апокалипсисе, но из-за слишком гнетущей и негативной атмосферы их не допускали к показу в кинотеатрах. В лучшем случае, это была самодеятельность богатых и скучающих людей, которые снимали их для внутреннего просмотра и развлечения.

Линь Сынянь однажды смотрел такой фильм. В густом чёрном тумане, способном скрыть целую толпу, из мглы появлялись зомби с синюшно-бледными лицами, похожие на ходячих мертвецов. Их лица были искажены злобой, а вид был кровавым и ужасающим.

Картина, которую увидел Фэйфэй, была поразительно похожа. С той лишь разницей, что чёрный туман был настолько густым, что, когда Фэйфэй попытался разглядеть людей, он обнаружил, что «людей» больше нет — лишь движущиеся человекоподобные сгустки тьмы.

Фэйфэй уже давно не смотрел на людей с такой силой. Раньше, глядя на Линь Гошэна или Линь Сыняня, он видел лишь лёгкую, полупрозрачную дымку. Теперь же... сказать, что над их головами сгустились чёрные тучи, было бы преуменьшением. Это были тучи, окутывающие голову, лицо, верхнюю часть тела, нижнюю часть тела, ноги... Тьма проникала всюду, не оставляя ни единого просвета.

Не то чтобы состояние Линь Сыняня и остальных было намного лучше раньше, просто с возрастом силы Фэйфэя постепенно восстанавливались и крепились, и он стал видеть всё яснее.

Последствием этой ясности стало то, что малыш, бросив несколько взглядов, тут же зажмурился и не открывал глаз до самого зала.

Линь Хань, заметивший это, подумал, что он устал, и спросил:

— Фэйфэй, ты спать хочешь? Наверное, сегодня слишком рано проснулся? Хочешь, братик отнесёт тебя поспать?

Фэйфэй покачал головой.

— Братик, Фэйфэй не хочет спать.

— Если не хочешь спать, почему глаза закрыл? Глазки болят? — Линь Хань подошёл к Линь Линю, чтобы поближе рассмотреть глаза Фэйфэя.

Фэйфэй прикрыл глаза ладошками.

— Там темно, Фэйфэй боится. Я попозже открою, — он мысленно считал, собираясь открыть

глаза, когда тёмное исчезнет.

— Где темно? — удивлённо огляделся Линь Хань. Сейчас был день, во дворе лежал белый снег. Где же темно?

Фэйфэй наугад махнул ручкой назад.

— Там.

Разговор Линь Ханя и Фэйфэя привлёк внимание многих. Линь Линь, державший Фэйфэя, Линь Госюн, Линь Гохун и Линь Хань — все посмотрели в ту сторону, куда указал малыш.

Присмотревшись, они увидели... о, ничего особенно тёмного там не было, но был один человек, который по сравнению с остальными действительно был «темнее».

Линь Ци, шедший рядом с Линь И, взглянул на старшего двоюродного брата, и его губы дрогнули. Он пытался сдержаться, чтобы сохранить лицо брата, но в итоге не выдержал, отвернулся, и его плечи затряслись от смеха.

А Линь Линь, державший Фэйфэя, не стал церемониться. Он посмотрел на загорелое лицо Линь И, потом снова на него, и его губы растянулись в улыбке.

— Пха-ха-ха! Я же говорил тебе, брат, пользуйся солнцезащитным кремом, а ты не слушал. Вот теперь видишь? Ты так напугал Фэйфэя, что он даже глаза открывать не хочет! — хохоча, он показывал пальцем на Линь И, словно услышал самую смешную шутку за последние несколько лет. От его смеха Фэйфэй, которого он держал на руках, подпрыгивал.

— Старший брат, может, тебе подарить бутылочку солнцезащитного крема? У моего дяди после съёмки в рекламе осталось много, так и лежат на складе без дела, — убедившись, что с глазами Фэйфэя всё в порядке, Линь Хань тоже решил подшутить.

Даже Линь Тяньюань, отец Линь И, услышав шум, начал разглядывать кожу сына. Ну... да, немного тёмная, но в пределах нормы. В сочетании с красивыми чертами лица Линь И это придавало ему мужественности.

Вполне... вполне себе хорошо. Правда... пф-ф, правда, очень хорошо.

Фэйфэй, досчитав до нужного момента, открыл глаза. Он увидел, что его братья — первый, второй и третий — смеются над старшим братом. Виновник всего этого моргнул большими глазами, в них читалось недоумение. Над чем все смеются?

Находясь в центре всеобщего веселья и помня, что сегодня Новый год, Линь И с трудом

выдавил из себя фальшивую улыбку, чтобы не портить всем настроение. Но, слушая не прекращающийся, словно припадок, смех Линь Линя, он всё же предупредил:

— Хватит уже.

Посмеялись и будет. Он воспринял это как шутку. Но эти щенки так веселятся, неужели они напрашиваются на взбучку?

Линь Линь кивнул и наконец перестал смеяться, хотя в его глазах всё ещё плясали смешинки. Он не забыл поблагодарить Линь И.

— Спасибо тебе, брат, я так давно не... — Линь Линь вдруг резко оборвал фразу. Давно что? Давно так от души не смеялся, давно... не радовался?

Руки Линь Линя внезапно сжались в кулаки. Непонятно, от волнения или от возбуждения, но, несмотря на зимний день, он в одно мгновение вспотел.

Он встретился взглядом со своим братом-близнецом Линь Ци. Следующие два-три часа, до самого обеда, оба были несколько рассеянны.

Они сидели на разных концах дивана, оба уткнувшись в телефоны, словно переписывались. На самом деле они вели бурную переписку, отправляя друг другу сообщения со скоростью света.

[Линь Линь: А-а-а-а, я же сейчас смеялся? Смеялся, да? Не знаю, от возбуждения или чего, но у меня до сих пор сердце колотится. Хотя это и волнение, но сейчас это приятное волнение. Я до сих пор возбуждён, это чувство... так здорово! Хочется пойти побегать.]

[Линь Ци: Давай мы оба сейчас помолчим. Успокоимся. Медленно успокоимся. Постарайся ухватить то чувство. Если не получится... цени момент, не упускай шанс.]

Отправив это, Линь Ци больше не писал брату, а откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Внешне он казался спокойным, но внутри всё бурлило. Это было похоже на то, как алкоголик вдруг получает бутылку заветного вина. Даже один глоток заставляет его долго смаковать вкус и пьянеть от удовольствия.

Что за близнецы! Линь И и Линь Хань смотрели на них, как на двух пьяниц, которые то закрывали глаза, то мотали головами.

Линь Хань, скрестив руки на груди, спросил:

— Они что, напились перед приездом?

Линь И взглянул на него.

— У нас в семье по утрам не пьют, — как тот, над кем только что смеялись, он не был зол, но и радоваться ему было нечему.

Впрочем, он не винил Фэйфэя. Малыш ещё маленький, у него не сформировались эстетические вкусы, и он, вероятно, ещё не может оценить его образ, полный взрослой мужской притягательности. Проходя мимо зеркала над умывальником, Линь И бросил на себя взгляд и подумал именно так.

Фэйфэй тем временем уже не играл в кубики на ковре, он нашёл занятие поинтереснее. А именно — Линь Яо. Малыш, который проснулся слишком рано утром и спал на руках у матери, когда они вошли, теперь лежал на диване. Одеяльце, которым он был укрыт, заботливо принёс ему Фэйфэй.

— Какой милый младший братик, — Фэйфэй, лёжа на диване, с любопытством разглядывал спящего Яо и тихо сказал отцу.

В глазах Фэйфэя, младший братик был беленьким и пухленьким, с длинными ресницами и мясистыми щёчками. Его ручки и ножки тоже были пухлыми, как коренья лотоса, которые бабушка использовала для готовки. Очень мило.

Но он не знал, что в глазах окружающих, он сам, лежащий на диване с подбородком на руках, с любопытством и восторгом в глазах, которые сияли, как маленькие звёздочки, был невероятно милым.

Линь Сынянь наклонился, показал Фэйфэю на что-то и, улыбаясь, тихо сказал:

— Ты когда спишь, такой же, как маленькая лягушка, — это заставляло Линь Сыняня каждый раз, видя спящего малыша, хотеть пощекотать его животик.

— Папа врёт, — Фэйфэй нахмурил брови и покачал головой, не веря словам отца. — Воспитательница в садике говорит, что Фэйфэй спит лучше всех, и братик Сяохань тоже говорит, что Фэйфэй хорошо спит, совсем не как лягушка.

Линь Сынянь не стал с ним спорить, а достал телефон, открыл галерею. Он выбрал фотографию, которую тайно сделал, когда Фэйфэй спал, и, указав на сладко спящего малыша на фото, сказал:

— Фэйфэй, посмотри, похож на лягушонка?

— Мм, немного похож на лягушонка, — перед лицом «доказательств» ему пришлось согласиться с отцом.

Но он тут же снова развеселился, начал имитировать позу, в которой спал на фотографии, и позвал отца:

— Папа, смотри, теперь Фэйфэй ещё больше похож на лягушонка?

Линь Сынянь вздохнул. Почему его ребёнок такой послушный и всегда такой добрый? С самого начала он ни разу не видел, чтобы малыш злился на кого-то.

Эх, неудивительно, что семья Линь так беспокоится, что его будут обижать на улице.

Линь Госюн и Линь Гохун стояли у входа в гостиную и молча наблюдали за этой шумной и полной жизни сценой. Линь Гохун вдруг с чувством произнёс:

— Когда я был молод, я читал в одной книге о фантастическом мире, похожем на утопию. Автор описывал, как старики и дети были счастливы. В маленькой деревушке, где переплетались тропинки, слышалось кудахтанье кур и лай собак, старики с седыми волосами и дети с пучками на головах жили в мире и радости. Мирские заботы были им неведомы, а время в горах текло медленно. Автор называл это место «Персиковым источником». Тогда я был молод и горяч, и эта статья не тронула меня, а наоборот, вызвала усмешку. Я думал, что автор фантазирует, где на свете найдётся такое место? Если бы оно и было, я бы отдал за него любые деньги.

Говоря это, в глазах Линь Гохуна промелькнуло облегчение.

— Теперь я вижу, что был как лягушка на дне колодца, с ограниченным кругозором. Возможно, когда автор писал эту статью, он сам находился в этом «Персиковом источнике». Просто мы не знали и приняли его рассказ за вымысел.

Теперь и они оказались в этом бесценном «Персиковом источнике». И поняли, что он действительно существует.

Линь Госюн говорил более прямо, подхватив мысль брата:

— Ты вдруг так разоткровенничался, потому что жизнь за стенами этого дома стала тяжела, да?

Линь Гохун с улыбкой покачал головой.

— Да, нелегко. Прожив всю жизнь, только на старости лет нашёл душевный покой. Следующие несколько десятков лет я хочу просто спокойно жить здесь, оберегая это место. И если кто-то захочет разрушить этот «Персиковый источник», пусть не винит меня за жестокость.

При последних словах его лицо перестало быть добродушным и улыбочивым, а в глазах на мгновение вспыхнул холодный блеск.

— Тебе ли говорить такие слова? — презрительно хмыкнул Линь Госюн. Пока он жив, очередь до третьего брата говорить такое не дойдёт.

<http://bllate.org/book/13654/1592079>